

В. Ю. Дунаев¹

ГРАЖДАНСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СТРУКТУРАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В политической теории общепринятым является разделение национализма на гражданский (государственный), исходящий из понимания нации как политической общности или согражданства, и этнический (культурный), рассматривающий нацию как дополитическую данность. Идеально-типическая модель соотношения этих форм национализма в политической философии неоллиберализма выстроена Юргеном Хабермасом.

Национальное государство воплощает в себе два гомогенизирующих политическое пространство и вместе с тем гетерогенных начала — республиканство и национализм, или гражданственность (политическую нацию как договорную территориально-государственную общность — *Staatsnation*) и народность (*Volksnation* — дополитическую коллективную идентичность, возникшую естественно-историческим путем на основании единства происхождения, культуры, языка, обычаев, традиций, национального духа — *Volksgeist* —

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Социокультурное развитие Казахстана в условиях виртуализации информационно-коммуникативных практик» (в соавт.), «Философия познания: век XXI» (в соавт.) и др.

и существующую независимо от политического мнения и волеизъявления самих граждан). Согражданство как новый уровень *юридически опосредованной солидарности* граждан, вырванных из пут корпоративных общностей и традиционных коллективностей, вводит также новый тип легитимации политической власти, в отличие от династической и религиозной форм легитимности. Однако оборотной стороной могущества национального государства является напряженность отношений между особенным характером нации как культурной общности и всеобщим характером юридического сообщества. «Эта напряженность может быть снята при условии, что в ряду конституционных принципов демократии и прав человека приоритет будет принадлежать космополитическому пониманию нации как нации граждан, а не этноцентричной трактовке нации как дополитического единства»². Гражданский национализм апеллирует именно к политической нейтральности культурной идентичности. В этом случае республиканская идея будет ограничивать партикуляристские ценностные ориентации и структурировать социальное пространство согласно универсалистским моделям.

Таким образом, проводимое Ю. Хабермасом разделение либерально-демократической политической культуры и метафизического (ориентированного на истину и ценности) сознания устраняет национальное са-

² *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 371.

мосознание из легитимного политического процесса. Но Ю. Хабермаса смущает вопрос о том, не является ли такая политическая культура гражданской нации (и конституционный патриотизм как ее выражение) слишком тонкой нитью для скрепления сложных многосоставных обществ.

Формирование постнационального политического самосознания гражданского общества имеет и еще один внешний источник — глобализацию на основе неолиберальных стандартов и единого свободного рынка, — который ставит под угрозу не только суверенитет, но и само существование национального государства. Изоморфизм нации-государства мировому рынку выражается в феномене, обозначенном Ю. Хабермасом как денационализация национального государства. Транснациональные сети глобализации ставят государства в зависимость от процессов интернационализации мировых рынков. Национальным государствам не остается ничего другого, как приспособлять национальные экономические системы к требованиям мирового рынка, «не препятствовать дальнейшему высушению источников социальной солидарности»¹, что оборачивается, в частности, эрозией гражданства и ростом деклассированных элементов как балласта политического сообщества. Спасти республиканское наследие, по мнению Ю. Хабермаса, можно, только выйдя за пределы национального государства, приведя «свои способности к политическому действию в соответствие с глобализацией саморегулирующихся систем и сетей»².

А. С. Панарин выделяет три уровня эволюционной динамики: глобальный (цивилизационный), национальный (национально-государственный), племенной (этнический). Идеология глобализма вычеркивает средний термин силлогизма — государство-нацию, смыкая постиндустриализм с племенной архаикой. Разрушение среднего термина рождает логику взаимопревращения глобального в племенное. «Глобальная идеология прав человека и мораль “граждан мира” оказались вполне совместимыми с прорвавшимися наружу демонами племенной архаики, воспользовавшейся ослаблением национально-государственных структур классического модерна»³.

Рассуждения Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности и перекрещивающемся консенсусе как процедурах реализации демократии служат в конечном счете обоснованием стратегии построения нового мирового порядка, новой транснациональной системы глобального мироустройства. Из концепции Ю. Хабермаса логически следует сформулированное им положение, согласно которому «свою традиционную внешнюю политику государства лишь в том случае начнут согласовывать с императивами мировой внутренней политики, если всемирная организация сможет под собственным командованием применять вооруженные силы и осуществлять полицейские функции»⁴.

¹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство... С. 378.

² Там же. С. 379.

³ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 86.

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 310–311.

По поводу этого положения Ю. Хабермаса А. С. Панарин указывает, что нельзя не отметить революционную методологическую новацию современного либерализма: «Оказывается, наряду с традиционной мировой политикой, субъектами которой выступают суверенные государства, существует еще и *мировая внутренняя политика*, где такой суверенитет не действует»⁵. Действительно, в некоторых концептуальных моделях миропорядка эпохи постмодерна постулируется возникновение нового типа политического суверенитета и его субъекта.

М. Хардтом и А. Негри американская модель суверенитета рассматривается как противоположность европейской модели национального государства. Этот суверенитет возникает из взаимодействия всей совокупности самоорганизующихся сил, объединенных в сети. В идее «империи свободы» Томаса Джефферсона, являющейся в то же время демократической республикой, власть выступает как процесс саморегуляции открытой диссипативной системы. Важнейшей особенностью такого понимания суверенитета является принцип экспансии, непрестанно отодвигаемого фронта как механизм преодоления внутренних ограничений. Соответственно такому устройству экстенсивного пространства было устроено и внутреннее, интенсивное, пространство нации как смешения, постоянной гибридизации, плавильного котла этносов. Новая нация не могла быть ничем иным, как продуктом управления смешанными идентичностями. Экспансионизм имманентной концепции суверенитета является включающим: расширяясь, этот суверенитет не аннексирует или уничтожает политическое пространство других государств, а включает их в сеть. В отличие от традиционного империализма, империя, понятая как открытое пространство универсальной республики, распространяет модель сетевой власти в международном масштабе, причем безразличную к характеру подвластных субъектов. Используя терминологию Ж. Делёза и Ф. Гваттари, можно сказать, что империя территоризуется в рифленом пространстве национальных государств как в гладком номадическом пространстве «машины войны».

«Империя» в геополитической модели Майкла Хардта и Антонио Негри есть принципиально новое качество мироустройства эпохи постмодерна, возникшее в результате слияния «государства» и «машины войны» Феликса Гваттари и Жюльена Делёза. «Империя» в контексте постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Эта «империя» отнюдь не противоположна гражданскому обществу, но практически совпадает с ним. Она основана на абсолютизации либеральных ценностей и принципов, а отнюдь не на архаических системах иерархий. Империя занята масштабным производством легитимности в мировом масштабе, движимой собственной логикой структурирования тотальности через расширение консенсуса, поддерживающего ее власть, и относительно автономной по отношению к суверенным национальным государствам.

⁵ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 158.

Легитимация политического синтеза социального пространства осуществляется индустрией коммуникации имперской машины. «Это форма легитимации, которая основывается только на себе самой и непрерывно воспроизводится, развивая собственный язык самоподтверждения»¹. Поэтому коммуникативная рациональность как основа нового мирового порядка формируется не на основании кантовского публичного применения разума и механизмов делиберативной демократии, а в соответствии с ризоматической логикой сетевых структур. Имперская высокотехнологичная виртуальная машина сама себя легитимирует и воспроизводит, вырабатывая социальную ткань в лингвистическом производстве реальности, «непрестанно разрушая историю и идентичность в типично постмодернистской манере»², хотя при этом не уничтожая, вопреки Ж.-Ф. Лиотару, но воспроизводя идеологические метанарративы как язык собственной легитимации в унифицированном мире.

Моральное вмешательство, в том числе посредством деятельности разного рода неправительственных гуманитарных организаций — своего рода странствующим орденом «империи», становится передовым способом имперской интервенции. Такого рода вмешательство, осуществляемое «по инициативе снизу» и во имя справедливости, предваряет чрезвычайное положение, вводимое имперской властью, готовит сцену для военной интервенции.

М. Хардт и А. Негри полагают, что построение «империи» является шагом вперед (в том же смысле, в каком Маркс раскрывал превосходство капитализма над предшествующими формациями), что заставляет отказаться от любой политической стратегии, направ-

ленной на укрепление национального государства или поиск национальных и региональных очагов сопротивления господству глобального капитала. Предлагаемая же М. Хардтом и А. Негри позитивная программа борьбы с «империей» воспроизводит постмодернистские установки интеллектуального номадизма: «...борьба против рабской принадлежности к нации, к идентичности, к народу и потому бегство от суверенитета и ограничений, налагаемых им на субъективность, полностью позитивны. Номадизм и смешение народов оказываются здесь образцами добродетели, первыми этическими практиками на территории империи»³. Вместо славословий в адрес локального нужно разрушить стены, формируемые нацией, этничностью, расами, препятствующие циркуляции и смешению; следует напрямую связать локальное с глобальным, дабы учредить конкретную всеобщность пространства сингулярного номадизма и вавилонского смешения народов. Как видно, гражданская и этнокультурная нации удаляются со всемирно-исторической сцены не только «империей», но и ее альтернативой в виде постмодернистской политики различия.

Однополярный мир (глобальный рынок как свободное от протекционизма туземных экономик перераспределение ресурсов мировой империей) сводит к исчезающей малой величине суверенитет государств, отстаивающих свои национальные интересы. Соответственно, как это ни парадоксально, именно государственный национализм (а не мультикультурализм как политика поощрения культурного многообразия) становится формой реального сопротивления проектам гомогенизации мира, нового имперского порядка планетарного космополитизма.

¹ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 45.

² Там же.

³ Там же. С. 336.